

Ее любовь освещала все... *(Беседа о белорусско-французском художнике Марке Шагале)*

В 1919 году впервые было решено создать в маленьком городке Витебске художественный музей. Местные «Известия» писали в те годы: *«Художник Марк Шагал выехал в Петроград для утверждения в центре своего проекта...»*. Вскоре музей был открыт. Но когда 28 марта 1985 года Марк Шагал умер, подавляющему большинству горожан это имя уже ничего не говорило. Витебск забыл имя художника, своего земляка... Но его ли это вина?

Долгое время имя Шагала (6.07.1887 - 28.03.1985) запрещалось произносить. Сейчас историческая справедливость восстановлена: Марк Шагал считается белорусским и французским графиком, живописцем, сценографом и поэтом еврейского происхождения, одним из самых известных представителей художественного авангарда 20 века.

В Витебске давно существует музей Шагала. Теперь все могут увидеть его полотна, его Витебск, в котором люди летают где-то в небесах. А если и ходят по земле, то по такой, которая живет по каким-то своим, особым, неизвестным законам, не ведая современной цивилизации. Как же это произошло? Что должно было соединиться и дать художнику такую силу для полета?

16 марта 2010 года на литературном вечере «Ее любовь освещала все: Белла и Марк Шагал» библиотекари попытаются прикоснуться к жизни и творчеству великого художника и показать своим читателям человека порой слабого, порой злопамятного, порой неудобного для окружающих. Человека меняющегося и в то же время неизменно убежденного в главном - в правильности выбранного пути в искусстве. Художника, который сам всегда верил в свой гений и заставил поверить других.

«Я не хочу быть похожим на других, я хочу видеть мир по-своему!»

*«Вы когда-нибудь видели на картинках флорентийских мастеров фигуры с длинной, отроду нестриженной бородой, с темными, но как бы и пепельными глазами, с лицом цвета жженой охры, в морщинках и складках? Это мой отец... За тридцать два года работы он не пошел дальше рабочего. Перетаскивал огромные бочки, доставал селедки из рассола закоченевшими руками... Отец был молчалив и редко разговаривал дома... - так писал Марк Шагал об отце. - *Весь мой талант таился в ней, в моей матери... Ее глаза были обителью слез»*.*

Представим себе семнадцатилетнего юношу, первенца в семье торговца селедкой, при восьми младших детях. Родители возлагали на него особые надежды. По тем временам устроить ребенка из местечка в городское училище было непросто. За это отдали 50 рублей - сумму совсем немалую. Ему готовили счастливую судьбу бухгалтера или приказчика.

Но было что-то, что не давало ему сосредоточиться на учебе. Нет, ни радио, ни кино, ни прочих развлечений тогда и в помине не было. Был только он - заикающийся мальчик и старый город, природа и быт, входивший в несоответствие с гармонией пространства. Может быть, именно красота Витебска подсказывала, что есть другая жизнь, неизвестная и прекрасная?

Про себя он читал слова своей детской молитвы:

«Господи, Ты, что прячешься в облаках или за домом сапожника, сделай так, чтобы проявилась моя душа, бедная душа заикающегося мальчика. Яви мне мой путь. Я не хочу быть похожим на других, я хочу видеть мир по-своему».

Он был услышан...

Школа живописи Пэна

«Когда я ехал как-то на трамвае вниз к Соборной площади, мне бросилась в глаза белая на синем фоне надпись: Школа живописи Пэна. - Ого! - подумал я. - Какой культурный город наш Витебск!»

И вот в один прекрасный день (а других дней в то время для Марка и не было на свете), когда его мама сажала в печку хлеб на длинной лопате, он подошел, тронул ее за перепачканный мукой локоть и сказал; *«Мама... я хочу быть художником. Ни приказчиком, ни бухгалтером я не буду. Все, хватит! Не*

зря я все время чувствовал: должно случиться что-то особенное. Посуди сама, разве я такой, как другие? На что я гожусь? Я хочу стать художником! Спаси меня, мамочка...»

Школа живописи Пэна...

Юдель Пэн, известный к тому времени художник, по своему почерку был ближе к передвижникам. Что он увидел в мальчике, робко сунувшем ему детские рисунки и перерисовки со старых журналов? Может быть, себя в юности? Таким же мальчишкой искал он свой путь, уйдя из своего местечка в Петербург, в Академию художеств, и, став известным, признанным, выбрал местом жительства Витебск...

Шагал позже так вспоминал Пэна:

«Грош цена моему таланту, если я не смогу описать вам Пэна! Он мал ростом. Но это его не портит - тем изящней его фигурка. Полы пиджака косо сбегают к коленям. Разлетаются - вправо, влево, вверх и вниз, и вместе с ними порхает часовая цепочка. Подвижная светлая борода клинышком выражает приветствие, грусть, похвалу. Пэн мне мил... В моей памяти он живет рядом с отцом.

Мысленно гуляя по пустынным улочкам моего города, я то и дело натываюсь на него. Сколько раз я готов был умолять его, стоя на пороге школы: не надо мне славы, только бы стать таким, как вы, скромным мастером, или висеть бы, вместо ваших картин, на вашей улице, в вашем доме, рядом с вами. Позвольте!»

Двух месяцев оказалось достаточно, чтобы маэстро полюбил своего ученика. Для Шагала это была первая удача: город подарил ему учителя. Именно Пэн, после краткого общения, вывел Шагала на его дорогу к звездам.

В русле создания нового искусства

В 1907 году Шагал уезжает из Витебска. Рекомендация Пэна открыла двери школы при Обществе поощрения художеств, где его учил Н. Рерих. В 1910 году он переходит в школу искусств Е. Званцевой. Здесь его учителями были Леон Бакст и Мстислав Добужинский.

Шагала заметили, Известный юрист и общественный деятель Максим Винавер предоставил Марку Шагалу стипендию в размере 125 франков в месяц для продолжения учебы во Франции.

Вот она - та, другая жизнь, о которой он мечтал! Шагал оказался в Париже удивительно вовремя. Это было время парижской школы, которая включила в себя людей из разных стран – испанца Пикассо, итальянца Модильяни, румына Бранкузи, выходцев из России - Архипенко и Сутина.

Это была эпоха слома традиций, авангарда, создания нового искусства 20 века. В это русло попал и Шагал. Его приняли, он получил известность. Но, по его собственным словам, считал, что из Парижа *«вытолкнут самой судьбой»*. Почему?

Почему он, прожив пять лет в гуще событий, уезжает домой, в Витебск? Ведь все получилось! Или та жизнь, о которой он мечтал, видится ему не в парижском круговороте выставок и светских салонов? Может быть, есть еще что-то глубинное, что он так и не нашел в Париже, но верит, что найдет в своем родном городе? Или это город зовет его, ведет к порогу события, во многом определившего его дальнейшую жизнь?

Женщина в подарок

Да, Витебск дарит ему Беллу.

Белла Розенфельд родилась 15 декабря 1905 года в Витебске. Она была самой младшей в купеческой семье. Каждый класс гимназии девушка заканчивала с золотой медалью. Продолжила образование в известной московской школе Герца: изучала историю, философию и литературу. Потом занималась актерским мастерством в одной из студий Станиславского.

Из ее воспоминаний и воспоминаний Шагала можно выстроить удивительный диалог.

Белла: *«Удивили его глаза, я вижу, они голубые, как небо. Глаза удивительные, не такие, как у всех, продолговатые, похожие на миндаль... Я никогда не видела таких глаз, разве только на иллюстрациях к сказкам про зверей. Рот приоткрыт, не знаю, или он хочет что-то сказать, или кусить белыми острыми зубами. Все в нем от движений затаявшегося зверя».*

Шагал: *«Я чувствую... ее молчание - это мое молчание. Ее глаза - мои, как будто она давно уже знала меня, знала все о моем детстве, о моем настоящем, о моем будущем; как будто она наблюдала за мной, угадывала меня, хотя вижу ее впервые. Я почувствовал, что она - моя жена».*

Белла: *«О чем он думает? Я вижу, как глубокая морщина прорезает его лоб. Он приближается ко мне. Я опускаю глаза. Никто не говорит ни слова. Мы оба чувствуем, как стучат наши сердца. Я ждала его, искала, меня трясет. От него я теряю рассудок».*

Шагал: *«Я жизнь прожил в предощущенье чуда. Я жду, когда же ты меня обовьешь, чтоб снег, как будто лесенка, спустился. Стоять мне надоело - полетим с тобою в небо по ступенькам белым!»*

Белла: *«Его слова ударяют меня, как гром, и разрушают спокойствие моих дней».*

Как ни противился Шагал пышной брачной церемонии, но все вышло так, как на его картинах. И вот художник и его жена Белла летят над Витебском. Они делают это естественно, как если бы шли по улице или сидели на скамейке. Он придерживает тело, словно оберегая от неверного поворота, она смотрит вдаль и машет рукой - то ли прощаясь с кем-то, то ли кого-то приветствуя.

С этих пор Белла, его муза и любовь, была с ним. С этого дня ни одной своей работы он не заканчивал, пока не слышал ее «да» или «нет».

У них выросла дочь **Ида**, впоследствии ставшая биографом и исследователем творчества отца.

В тесной тужурке администратора

По революционному Витебску Марк Шагал ходил в косоворотке с кожаным портфелем под мышкой, а рядом важно шествовал его телохранитель, юный Валентин Антощенко - Оленев в матросском бушлате, подпоясанный пулеметной лентой и с револьвером - будущий народный художник Казахстана.

В Петербурге Шагал поступает на службу в Военно-промышленный комитет. Нарком просвещения А. Луначарский, знакомый ему еще по Парижу, назначает его *«уполномоченным по делам искусства Витебска и Витебской губернии... с правом организовывать художественные школы, лекции и доклады по искусству».*

Так появилась Витебская консерватория и художественная школа, основы которых заложил Шагал вместе с друзьями - соперниками - Казимиром Малевичем, Эль Лисицким, Робертом Фальком, Мстиславом Добужинским.

В Витебске в то время был расцвет культуры: очень многие питерцы от голода временно переселились туда. И тут же воспарили над городом приверженцы макрокосма Малевича. Вот каким увидел Витебск в 1920 году Иван Бунин:

«...В Витебск я приехал к вечеру. Вечер был морозный, светлый. Всюду было очень снежно, глухо и чисто, девственно; город показался мне древним и нерусским: высокие, в одно слитые дома с крутыми крышами, с небольшими окнами, с глубокими и грубыми полукруглыми воротами в нижних этажах... На главной улице было гулянье - медленно двигалась по тротуарам густая толпа полных девушек, наряженных с провинциальной еврейской пышностью в бархатные толстые шубки: лиловые, голубые и гранатовые. За ними, но скромно, отдельно шли молодые люди, все в котелках, но тоже с девичьей округлостью восточно-конфетных лиц, с шелковистой юношеской опушкой вдоль щек, с томными антилопьиными взглядами... Я шел как очарованный в этой толпе, в этом столь древнем, как казалось, городе, во всей его чудной новизне для меня».

Неизвестно, что конкретно явилось причиной отъезда Шагала из Витебска. Вероятно, причин было несколько, в том числе, и теоретические расхождения с Малевичем. Шагал писал:

«Лично я не уверен, что теория - такое уж благо для искусства... По-моему, искусство – это прежде всего состояние души. А душа свята у всех у нас, ходящих по грешной земле. Душа свободна, у нее свой разум, своя логика. И только там нет фальши, где душа сама, стихийно достигает той ступени, которую принято называть иррациональностью».

Он уехал, но может быть, это город не принял новоявленного комиссара? Или решил, что слишком тесно Шагалу в тужурке администратора?

Не в Витебске

А дальше была Москва. В летние месяцы Шагал работал учителем в колонии для малолетних беспризорников в Малаховке. Потом началась работа в Еврейском камерном театре у Грановского. Шагал безумно жалел, что в театре будет публика - она закроет своими спинами его живопись! Он творил и еще не догадывался, что больше никогда в жизни не увидит своего Витебска...

В 1922 году Шагал уехал в Берлин. Там состоялась первая выставка советских художников, на которой он, наряду с Филоновым, имел огромный успех.

В 1923 году переезжает в Париж, где ему заказана серия офортов к «Мертвым душам» Гоголя. Затем последовали другие заказы. 15 лет не принимал Шагал французского гражданства, все еще надеясь когда-нибудь вернуться на родину.

В 1941 году, чудом вырвавшись из рук фашистов с оккупированной ими части Франции, художник по приглашению Музея современного искусства оказался в США, в Нью-Йорке. Вот как это произошло.

Были страшные времена. Франция поддерживала антисемитскую политику. До Шагала дошла весть, что сам Геббельс повелел публично сжечь 50 его картин, казнив таким образом постыдное «дегенеративное искусство». Шагал с женой и дочерью Идой вынужден был собрать вещи и уехать.

22 июня 1941 года они ступили на землю Америки, полные новых надежд, планов, и не зная, что их ждет в будущем. Три года прожили довольно счастливо - у Шагала была работа, слава, хотя на самом деле он всегда пребывал только в одной стране - в родном Витебске:

«Давно уже, мой любимый город, я тебя не видел, не слышал, не беседовал с твоими облаками, не опирался на твои заборы. Как грустный странник я только нес все годы твоё дыхание на моих картинах...». «Лучшее, что я могу себе пожелать, - это услышать, мой город, как ты скажешь, что я был и остался верным тебе на века. Ты - единственный для меня в мире. Звонит во мне далекий город...».

Илья Эренбург писал:

«Кажется, вся история мировой живописи не знала художника, настолько привязанного к своему родному городу, как Шагал. Желая сказать нечто доброе о Париже, Шагал называл его «моим вторым Витебском». Я его встречал несколько раз в Париже. Молодой Шагал повторял: «У нас дома...». Я его увидел много времени спустя в мастерской на авеню Орлеан, но и там он писал домишки Витебска. В 1946 году мы встретились в Нью-Йорке, он постарел, говорил о судьбе Витебска, о том, как ему хочется домой».

В 1944 году внезапно случилась трагедия - умерла его жена, Белла. Умерла из-за непрофессионального ухода в больнице, от сепсиса.

И Шагал перестал рисовать - картины стояли в мастерской, повернутые к стене. Он месяцами сидел, уставившись в одну точку. Иногда часами смотрел в окно. Тридцать лет он прожил с женой, ее смерть означала для него потерю всего - света, смысла, счастья, уверенности в себе. Он замкнулся, замолчал. Жизнь в некогда таком веселом доме замерла. Все держалось на дочери.

После Беллы

И вот однажды Ида решила заняться спасением отца и нашла ему заботливую, старательную помощницу по хозяйству в надежде, что в дом вернутся аромат свежего белья, домашней еды, уютные звуки тикающих часов и швейной машинки. Она хотела, чтобы домработница присматривала за отцом, и чтобы ему стало немного легче.

Как-то погожим весенним днем, гуляя по Центральному парку, Ида обратила внимание на молодую красавицу блондинку, игравшую со своей дочкой. Милая девушка выглядела небогатой, неустроенной, была скромно одета. И Ида сделала ей предложение: поработать по полдня у ее старенького папы, прибрать, приготовить обед.

Предложение поступило весьма кстати. **Вирджиния МакНил** в то время переживала очень трудный период. Официально она считалась замужем за театральным художником. Будучи дочерью Хаггарда, бывшего британского консула в США, Вирджиния, влюбившись в МакНила, ради него бросила свою уважаемую семью и отправилась за «безродным простаком» в Нью-Йорк.

В Америке у них родилась дочь, но с мужем случилось несчастье: он тяжело заболел, лишился рассудка и был помещен в психиатрическую клинику. Поэтому на момент встречи с Шагалом Вирджиния формально считалась несвободной. Но встреча в парке с Идой стала для нее чем-то вроде подарка свыше.

Спустя год художник, упорно молчавший до этого, ничего и никого не видевший вокруг, вдруг впервые обратился к ней с просьбой:

«Знаете, мне невыносимо сидеть каждый день в этой пустой кухне. Обедать и ужинать в полном одиночестве. Пожалуйста, Вирджиния, не уходите сегодня. Оставайтесь со мной и составьте мне компанию за столом».

Вирджиния осталась. Они ужинали вдвоем и разговаривали. А поговорить им было о чем - на родине, в Англии, Вирджиния посещала школу изящных искусств, изучала живопись.

С этого обеда и началась история любви Марка Шагала и Вирджинии МакНил-Хаггард. Шагалу было 58 лет, Вирджинии - 30 с небольшим.

Когда в 1947 году Шагал с семьей окончательно вернулся во Францию, его сыну едва исполнилось 3 года. **Дэвид МакНил** был назван так в честь брата Шагала, Дэвида, умершего молодым, но до сих пор носит фамилию первого мужа матери.

В Сент-Поль-де-Вансе, на юге Франции, Марк Шагал купил огромный дом по соседству с домом Пабло Пикассо. С соседом они постоянно вели задиристые споры, но их соперничество не было враждебным, а скорее шутливым, ироничным - оба заслуженных мэтра уважали друг друга.

Шагал никогда не расставался с Библией, читал ее каждую ночь перед сном, но в церковь сына не водил. У него на этот счет была твердая позиция: *«Надо учиться говорить с Господом напрямую, а не через его лакеев».*

С сыном Марк много гулял. Жаркие дни проводил на пляже и, пока ребенок играл на песке с другими детьми, садился неподалеку, доставал планшет, бумагу, пастельные мелки и рисовал.

Как-то на прогулке они заглянули в гости к Матиссу - старому человеку в инвалидном кресле с большой палкой в руках. У художника была парализована нижняя часть тела, но в верхней еще оставалась сила. Он использовал ее, чтобы управлять кистью, которой водил по холсту, привязав ее к длинной бамбуковой трости.

Марк Шагал и Вирджиния провели вместе семь по-настоящему счастливых лет, а расстались потому, что она была слишком молода. К Шагалу приехал один молодой бельгийский фотограф - делать репортаж для популярного в те годы издания. Между фотографом и Вирджинией завязался роман. И она, недолго думая, уехала с ним, взяв с собой сына. Больше они с Шагалом не виделись.

В лапах отвратительной злодейки

Художник глубоко переживал разрыв с Вирджинией, долго скучал по ней. А в 1952 году женился снова.

Как и в случае с Вирджинией, жену Шагалу привела Ида. Она привезла из Лондона «Ваву» - «талантливую и очень красивую женщину», русскую эмигрантку **Валентину Бродскую**, родственницу состоятельного сахарозаводчика из Ставрополя. Валентина в Лондоне делала модные шляпки и часто гостила у брата во Франции, брат работал в парижском ателье Кристиана Диора.

Вначале Валентина старалась играть роль идеальной жены, а потом ей это надоело. Поставив перед собой цель - занять в доме ведущую позицию, взять бразды правления в свои руки, она постаралась устранить остальных членов семьи. Дети Шагала - Ида и Дэвид - были главной помехой. Она явно надеялась, что старый муж скоро умрет, и все его состояние достанется только ей.

Психологически она очень точно подметила, в чем нуждается любой художник - в погруженности в свой внутренний мир, в обособленности, - и на этом сыграла. Захотела стать его хозяйкой, единственной и непреклонной. А потому легко убедила Шагала, что для творчества ему необходимы полный покой, уединенность и тишина.

Раньше Дэвид мог звонить отцу по 5 раз в день, приезжал, когда вздумается. Как-то раз он летел в Рим через Ниццу и решил по дороге навестить отца, но того не оказалось дома, он был в Нью-Йорке в командировке. Дверь открыл старый итальянец-садовник, которого Дэвид знал с детства. Дэвид переночевал в своей бывшей комнате, а наутро уехал и лишь потом узнал, что его мачеха уволила садовника за то, что тот без разрешения впустил в дом «чужого».

Для Дэвида это стало настоящим потрясением, и он решил больше к отцу не приезжать, бросил его на долгие годы.

С Идой последняя жена Шагала поступила схожим образом. Поскольку дочь приезжала к отцу, несмотря на все препоны, она распорядилась... заложить ее комнату кирпичом! Якобы именно в этом месте произошла усадка фундамента, дом кренится и может провалиться крыша. Так что Иде отныне ничего не оставалось, как заезжать на пару часов и отправляться ночевать в отель. В доме отца для нее больше не было места...

Шагал так и не нарисовал ни одного портрета Валентины.

Руины прошлого

Когда в 1973 году в возрасте 86 лет Марк Шагал впервые посетил СССР, в Витебск его не пустили: как и большинство провинциальных городов, он был закрыт для иностранцев. Художник

успокаивал себя: «...некоторые воспоминания нельзя ни тревожить, ни обновлять... И то, что живой частью входит во множество моих картин и рисунков, окажется несущественным, исчезнувшим с лица земли. Мне будет невыносимо больно это видеть...».

Шагал был прав - его Витебска уже не было. После освобождения от города остались одни руины и 118 жителей из довоенных 180 тысяч... Исчез шагаловский Витебск, тот город, который был его путеводной звездой, хранившей, спасавшей, давшей силы для взлета, тот город, в котором открывалась его детям сила соединения библейской мудрости и преданий, народной еврейской культуры, народной белорусской культуры и русского лубка.

Но и Шагал, как преданный сын, ответил городу достойно - его город живет и будет жить в его картинах. В 1997 году состоялась первая выставка художника в Белоруссии.

Шагал скончался 28 марта 1985 года в прованском городе Сен-Поль-де-Ванс. Свой последний день он провел в мастерской. Затем спустился на маленьком домашнем лифте вниз. Лег спать и уже не проснулся. Образно говоря, тот, кто изображал людей, парящих высоко в небе, умер в лифте, который стремительно нес его вниз...

Никаких особых болезней у него не было. Он никогда не пил и не курил, хотел быть здоровым и патологически боялся всего вредного. Для него живым воплощением кошмара стал почему-то Пауло Пикассо, за безобразиями которого следила пресса всей страны. Старший сын Пикассо слыл отвязным алкашом. Каждый вечер его в беспамятстве приносили домой полицейские. Поэтому Шагал еще в детстве частенько доставал сына своими причитаниями: «*Не дай бог, ты вырастешь, начнешь курить и стиваться, как Пауло. Ой-ой-ой, не дай бог...*»

Марк Шагал скончался от старости в 87 лет. В полном покое. Весь Сен-Поль-де-Ванс пришел проститься с Шагалом, он был похоронен на местном кладбище.

На похоронах мужа Валентина сделала Дэвиду последнюю гадость - попросила полицейских не пускать его сына в дом, назвала «*опасным человеком*», а те и не подозревали, кем он доводился покойному. Он так и не смог постоять у гроба отца, присоединиться к членам своей семьи, встать в траурный кортеж, пройти до кладбища

Валентина пережила мужа на 10 лет. Это были годы домашнего затворничества и сражения с тяжким недугом - у нее развилось психическое заболевание. Никто ее не навещал, кроме торговцев картинами. Все друзья Шагала будто вычеркнули ее из жизни. Детей мужа она ненавидела, членом общей семьи стать так и не смогла, всегда ощущала себя изгоем. Оттяпать наследство Шагала у его детей у нее не получилось. Она оказалась никому не нужной и в 1997 году умерла в полном одиночестве.

К Дэвиду, сыну Шагала, от отца перешла одна чисто русская черта - необъяснимое, внезапно налетающее чувство бесконечной грусти. Сам Шагал до самой своей смерти грустил о первой жене, отказывался говорить о ней, как об умершей. До конца дней его музой оставалась только Белла...

После смерти художника был создан «Комитет Шагала», в состав которого вошли четыре его наследника. Полного каталога работ Марка Шагала нет.

Литература:

1. Марк Шагал. Альбом/Вступ. ст. Д. В. Сарабьянова. - М.: Изобр. искусство, 1988. - 46 с.
2. Марк Шагал. Альбом / вступ. ст. Д. В. Сарабьянова. – Усть-Илимск: Сибирь, 1992. - 46 с.
3. Марк Шагал. Здравствуй, Родина! // Третьяковская галерея. - Сканрус, 2005. - 352 с.
4. Шагал. Возвращение мастера/ Вступ. ст. А. Вознесенского. - М.: Сов. художник, 1988.- 326с.
5. Шагал М. З. Ангел над крышами. Стихи. Проза. Статьи. Выступления. Письма. / Сост., авт. предисл., комментарий, пер. с Л. Беринский. - М.: Современник, , 1989. - 222 с.
6. Шагал М. З. Моя жизнь. - М.: Азбука, 2000. - 416 с.

О нем:

1. **Апчинская Н.В.** Марк Шагал. Портрет художника. - М.: 1995.
2. **Апчинская Н. В.** Театр Марка Шагала конец 1919-х-1960-е гг.- Витебск: ВГТУ, 2004. - 22 с.- (Научно-популярная серия Музея Марка Шагала; вып. 4).
3. **Балясникова Е.** Марк Шагал. Полет над гнездом// Крестьянка.-2009.-№10.-Стр. 48-53.
4. **Варьяш А.** Марк Шагал: Потерянный рай// Караван историй. - 2008.-№12.- Стр. 308-341.
5. **Макнил Д.** «Мой папа Марк Шагал» // Караван историй.-2010.-№ 2.-Стр.197.

6. **Мальцев В.** Марк Шагал - художник театра. - Витебск - Москва, 1918-1922. //Шагаловский сборник. Вып. 2. Материалы VI-IX Шагаловских чтений в Витебске (1996-1999). - Витебск, 2004. - Стр. 37-45.
7. **Шатских А.С.** «Благословен будь, мой Витебск»: Иерусалим как прообраз Шагаловского Города // Поэзия и живопись: сб. трудов памяти Н.И. Харджиева.- М.:Языки русской культуры, 2000.- Стр. 260-268
8. **Шишанов В.А.** Витебский музей современного искусства: история создания и коллекции. 1918-1941.- Минск: Медисонт, 2007. - 144 с.
9. **Шишанов В.А.** «Если уж быть министром...»// Бюллетень Музея Марка Шагала.- 2003. - № 2(10).- Стр. 9-11.
10. **Шишанов В.А.** Об утраченном портрете Марка Шагала работы Юрия Пэна // Бюллетень Музея марка Шагала-2006.- № 14. -Стр. 110-111.
11. **Шишанов В.А.** «Эти молодые люди были ярыми социалистами...»: Участники революционного движения в окружении Марка Шагала и Беллы Розенфельд// Бюллетень Музея Марка Шагала - 2005.- № 13.- Стр. 64-74.